

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070(47+57)+929Яковлев

«ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ» В МЕДИАКРИТИКЕ ЖУРНАЛА «ЖУРНАЛИСТ» ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

А. Н. Зорин

Зорин Артем Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; профессор кафедры мастерства актера, Театральный институт Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, art-zorin@yandex.ru

В статье рассматривается редакционная политика журнала «Журналист» под руководством Е. В. Яковлева в 1967–1968 гг. как феномен полноценного медиакритического издания времен советской «оттепели». Разносторонний анализ состояния и развития массмедиа в СССР и за рубежом на страницах журнала давал возможность осмыслить перспективы социально-экономического развития страны в целом.

Ключевые слова: советская журналистика, медиакритика, «Журналист», Е. В. Яковлев, эпоха «оттепели».

'Negation of the Negation' in the Media-criticism of the Magazine *Journalist* of the Last Years of the Soviet 'Thaw'

A. N. Zorin

Artem N. Zorin, <https://orcid.org/0000-0002-2342-4039>, Saratov State University, 83, Astrakhan-skaya Str., Saratov, 410012, Russia; Theatre Institute of the Saratov State Conservatoire, 23, Rabo-chaya Str., 410028, Russia, art-zorin@yandex.ru

The article considers the editorial policy of *The Journalist* magazine directed by E. V. Yakovlev in 1967–1968 as a phenomena of a comprehensive media-critical edition of the Soviet 'thaw' period. A multi-faceted analysis of the current state and development of mass-media in the USSR and abroad published on the pages of the magazine gave an opportunity to comprehend the social and economic development prospects of the country as a whole.

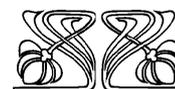
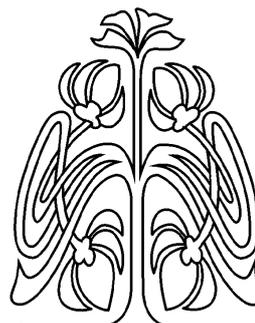
Key words: Soviet journalism, media-criticism, *The Journalist*, E. V. Yakovlev, 'thaw' period ('ottepel').

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-475-481>

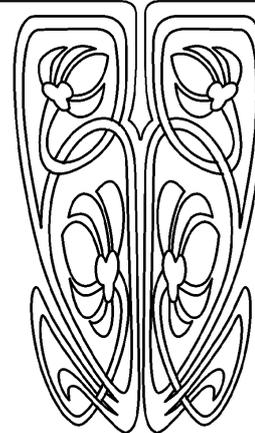
Пятидесятилетие событий «Пражской весны» в 2018 г. дало импульс исследованиям динамических культурных процессов того времени не только в СССР и Восточной Европе, но и во всем мире. Конец эпохи «оттепели», драматически завершившейся летом 1968 г., смена ключевых фигур в партийном руководстве ЧССР и общий консервативный разворот идеологического курса в Советском Союзе не дали ожидаемого стабилизирующего эффекта в странах социалистического блока, а лишь острее обозначили противоречия внутри коммунистической системы.

Одно из важнейших направлений, позволяющих понять суть переломных процессов рубежа 1960–1970-х, – исследование советской медиакритики, отразившей синхронный анализ широкого круга не только профессиональных проблем того времени, но и множества глубинных явлений идеологически детерминированной советской экономики.

Ценным источником понимания медиакритических установок и оценок «брежневского» периода истории публицистики служит профессиональный журнал «Журналист». Зародившийся в 1920–1921 гг.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

как яркое полемическое издание «Красный журналист» и ставший в 1921–1933 гг. просто «Журналистом», после 1933 и 1966 гг. он носил название «Советская печать». Возвращение изданию в годы «оттепели» его исторического названия – «Журналист» – демонстрирует уже нетипичную для конца 1960-х тенденцию к отказу от традиций тоталитарных лет и «возвращению к ленинским нормам». Обновленная редакция искала новые формы оценки явлений публицистики, работала с широкими возможностями социологии и интерактива, пыталась трансформировать жанровые матрицы и стилистические штампы, сложившиеся в советской – особенно в провинциальной – печати. История первых лет обновленного журнала – это стремление прогрессивных советских журналистов переломить сформировавшуюся за полвека ситуацию, когда «журналистика с точки зрения господствовавшей идеологии <...> призвана была последовательно выполнять властью предсказанные пропагандистско-агитационные функции»¹.

Одной из самых ярких страниц в истории «Журналиста» стали первые месяцы его работы под редакторским руководством Егора Владимировича Яковлева (1930–2005). Яковлев возглавлял журнал всего полтора года – с января 1967 до лета 1968 г. (тираж в эти годы – 115 тыс. экземпляров)². Но за это время он сделал издание мощным медиакритическим центром, создав социокультурный феномен времени большого социального и экономического подъема в СССР, наметившегося после XXIII съезда КПСС. Журнал аккумулировал тенденции журналистики «неслучившейся Перестройки» второй половины 1960-х и, можно сказать, стал предтечей «перестроечных» изданий второй половины 1980-х. Значительно расширив круг проблемных вопросов журналистского творчества и редакционной работы, «Журналист» высоко поднял планку медиакритической рефлексии, наметив основные демократические тенденции советской медиакритики поздней «оттепели».

Развитие профессиональной отечественной медиакритики долгое время было ограничено ситуацией жесткого партийного контроля над прессой. Безапелляционно критиковать журналистов имели право представители самых разных властных уровней. В такой ситуации профессиональное критическое высказывание в адрес коллеги балансировало на грани доноса. Не удивительно, что анализ отдельных событий и общих тенденций жизни СМИ на страницах «Журналиста» имел корректирующий характер. Значительную роль в развитии медиакритики оттепельного периода сыграло появление исповедальной интонации в разговоре о работе журналиста как один из вариантов дискурса «оттепельной искренности»³. Этот феномен подробно анализируется Б. Н. Киршиным на примере редакционного дневника тех лет – книги 1964 г. «Репортаж ведет редактор», написанной В. И. Дробышевским о профессиональных буднях газеты «Челябинский рабочий».

Исследовав большой объем материалов, автор приходит к выводу о том, что близость районной и областной газеты к читателю в 1960-е уже не позволяла редакции ограничиваться набором оценочных штампов, а диктовала потребность в точности факта и доверительной интонации⁴. Эта «новая искренность» провоцировала равноправный диалог на профессиональные темы, а их обсуждение вызывало желание реформировать иные советские социально-экономические модели. Журналисты, владевшие информацией о разных сторонах жизни народного хозяйства, могли дать представление о тенденциях движения страны и перспективах ее развития.

В свою очередь, пространство медиакритики позволяло оценить тенденции развития журналистики: в этот период, в частности, активно рефлексировалась художественная природа телевидения. К этому моменту Владимир Саппак уже обозначил основную установку его оценки: «Телевидение в силу своей молодости, в силу самой своей несформированности, которое пока не обросло традициями, узаконенными регламентациями, <...> именно телевидение, и, быть может, оно, как не что другое, дает редкую для критики возможность как бы заново, как бы в первый раз поставить и многие общие, коренные вопросы теории искусства»⁵. Таким образом, открывались возможности для формирования общественного мнения и влияния на дальнейшее социально-экономическое развитие.

Немаловажным фактом стали интенсивные преобразования в структуре местной прессы. На середину 1960-х приходится пик роста колхозных многотиражных газет – к 1966 г. их выходит около 1400⁶. Хотя из-за создания территориально-производственных управлений около 3000 районных газет закрываются и реорганизовываются, но спустя всего три года их возрождают заново⁷. Естественно, возникает потребность в новых журналистских кадрах, в местные газеты приходят люди, не имеющие журналистского образования, они учатся на практике у коллег, но, кроме того, с помощью своего профессионального журнала, вне образовательной системы. Профессиональная медиакритика и центральный журнал, как и в первые послереволюционные годы, обязан был решать эту серьезную социальную задачу.

В первом же январском номере за 1967 г. Яковлев в заглавии своей передовицы вынес определение журналистского сообщества, данное Пушкиным, – «Сословие людей государственных», напоминая о высокой социальной миссии журналистики в объективизации информационного пространства и всей общественной жизни⁸. Отмечая высокий градус борьбы районной газеты за умы и сердца современников, Яковлев напоминает о приверженности журнала полемичности начала 1920-х – временам создания «Журналиста»: «Те, кто зачинали советскую журналистику, вовсе не были непогрешимы. Бывали навверняка

односторонни, и нетерпимость их становилась чрезмерна, как иногда и пафос восхваления. Но, листая страницы, отпечатавшие их труд, поражаешься той черте неуспокоенности, которая их отличала. В марксистской диалектике есть понятие – отрицание отрицания. В нем заключено начало всякого поступательного движения, развития, отрицающего низшее ради высшего. Этим началом сильна советская публицистика. Динамическая, движимая мечтой, жаждой реализовать, опробовать новое и новое⁹. Закон «отрицания отрицания» – не формула борьбы с журналисткой критикой повседневности (Яковлев как раз протестует против «лакировщиков действительности», ждущих от советской прессы демонстрации борьбы хорошего с лучшим), а медиакритическое стремление противостоять энтропии социального самодовольства во всех сферах жизни.

Уже первые публикации демонстрируют высокий полемический характер материалов. При этом одной из важных задач становится борьба с периодическим смещением тематической направленности журнала с профессиональной в общественно-политическую. Полноценная медиакритика, в первую очередь, ставит перед собой задачи модернизации самой журналистики, ежедневность борьбы с комплиментарностью: «Надо решительно противостоять болезни дежурной патетики¹⁰. Яковлев находит для своей идеи обязательную для газетной передовицы цитату из трудов В. И. Ленина, которая в традициях эзопова языка советской эпохи адресуется не только журналистам: «Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие, – почвы под ними нет, – вот суть революционной фразы»¹¹.

Традиционно в теории журналистики советскую медиакритику второй половины XX в. делят на два направления: «у них» и «у нас». «У нас» – это анализ публицистики стран социалистического лагеря, «у них» – буржуазных СМИ, живущих по законам рыночной экономики. «Журналист» крайне мало (даже по сравнению с выпусками этого же журнала других лет) останавливается на индивидуальной критике коллег, акцентируя внимание на системных явлениях. При этом основой остается устойчивая советская медиаобразовательная модель, согласно которой «следует критически анализировать <...> политические, социальные и экономические аспекты <...> медиатекстов, созданных на капиталистическом Западе»¹². Собственно критический пафос журнала направлен на противоречивые явления журналистики капиталистических стран, он явно контрастирует с постоянным консолидирующим посылом к публицистам из стран соцлагеря – ««Непсабаштаг»: честность творчества» В. Московского (о центральном печатном органе компартии ВНР), «Несколько дней в Китае» Бориса Вахтина¹³.

Нередко материалы такого рода представлены в форме *pro et contra* в рубрике «Кто есть кто?»

«Что есть что?», когда подробный перевод статьи крупного западного журналиста об американском издании сопровождается критическим комментарием советского эксперта-публициста «Заметки на полях». Подробный рассказ об издательском феномене *The New York Times* (далее – *NYT*) аналитика «Шпигеля» Роберта Кана (ФРГ) интересен как раз в контрасте с комментариями от редакции Михаила Федорова¹⁴.

Этот материал существует тоже в заданных рамках принципа «отрицания отрицания», поскольку в подтексте истории *NYT* как образцового американского семейного медиапроекта угадывается феномен колоссального успеха «Известий» на фоне драматичной судьбы А. И. Аджубея в период его редакторства.

Роберт Кан в первых абзацах задает масштаб присутствия *NYT* в мировом информационном пространстве: для издания, претендующего на роль «энциклопедической газеты», ежегодно рубят 5,5 миллиона деревьев.

Знакомство с механизмом деятельности *NYT* как успешного коммерческого проекта давало понимание советской медиааудитории, что существуют другие варианты профессиональной реализации, отличные от тех, что использует власть в условиях командно-административного управления.

Рассказанная в журнале история триумфального успеха *NYT* под руководством Адольфа Окса демонстрировала читателям роль харизматичной личности в судьбе печатного издания и даже своего рода культ успешного издателя. Установка на авторитарность и авторитетность фигуры главного редактора контрастировала с партийными установками на тотальную борьбу с так называемым волонтаризмом. Уроки, которые советская журналистика извлекла из этой публикации, в какой-то степени оказались востребованными уже в годы перестройки. Оперативность подачи материала, максимум достоверных новостей. Стремление к постоянному изменению: борьба со старомодными дизайном шрифта и версткой, понимание смены общественных настроений и психологии читательских масс.

Описывая будни американского медиагиганта, Кан обращает внимание на массу деталей – на работающего в штате темнокожего, на отсутствие в буфете спиртных напитков и предельную концентрацию журналистов на выполнении своих обязанностей, на строгий редакционный распорядок дня. *NYT* не злоупотребляет релизами информагентств и задумчивой колумнистикой. Она сконцентрирована на максимально плотной информационной журналистике и развернутых репортажах. Михаил Федоров, полемизируя с немецким публицистом в комментариях к статье, раскрывал ситуацию зависимости позиции газеты от стратегии финансовых магнатов США и не находил в ее медиадискурсе энциклопедической точности. Но при этом признавал, что это един-

ственная коммерческая американская газета, под-писанная на рассылку ТАСС, а значит – открытая ко всем источникам информации.

Этот разговор на страницах «Журналиста» о редакционной политике главной газеты США и механизмах ее профессионального успеха дал возможность невольно сравнить популярность советских партийных изданий и широту их информационного охвата с деятельностью журналистов в ситуации жестко контролируемого семейного бизнеса. И далеко не всегда такого рода сравнения были в пользу гигантов советской печати. Еще раз отметим, что подробно описанный 70-летний успех *NYT* как семейного дела вызывал у аудитории «Журналиста» ассоциации с огромным успехом «Известий» под руководством А. И. Аджубея, зятя Н. С. Хрущева, смещенного в ноябре 1964 г. с поста одновременно с закатом карьеры его тестя. При Аджубее тираж газеты с 1,6 млн экз. доходил до 6–8 млн при лимитированном правительством тираже. Своего рода тоска по преждевременному закату карьеры выдающегося редактора-современника, а просто протеже главы государства, невольно сквозит в подготовленном Федоровым материале и его комментариях. Федоров в это время курировал американское направление журнала «За рубежом», а этот журнал был создан как раз по инициативе того же Аджубея во многом именно для полемического знакомства с опытом развития культуры и индустрии в США.

До публикации этой основательной панорамы бытия гиганта «респектабельной прессы» США в этой же рубрике на страницах «Журналиста» нашлось место для экстремального, по меркам советской прессы, социального опыта – попытки разобраться в слагаемых успеха журнала «Плейбой». Комментированную публикацию статьи Поля Верже о проекте Хью Хефнера подготовил Ясен Засурский¹⁵.

«Журналист» часто пренебрегал системой иерархических авторитетов, традиционной для советской публицистики. Так, восторженно анонсируемый еще в «Советской печати» в 1966 г. и вышедший на экраны фильм корифея советского киноискусства Сергея Герасимова «Журналист» (фильм-победитель Московского кинофестиваля 1967 г.) после премьеры подвергся на страницах журнала суровой критике. Рецензент фильма – заместитель главного редактора Александр Егоров – не обнаружил в долгожданной профессиональным сообществом киноленте созидательных мотивов для развития отечественной публицистики, отмечая в центральном образе заглавного героя негативное, апатичное отношение к окружающей действительности¹⁶. Это тем более странно, так как в рамках прогрессивной редакционной политики журнала у рецензента в данном случае была возможность трактовать фильм как сложное авторское высказывание, связанное с индивидуальным творческим миром выдающегося режиссера¹⁷. Но традиционность подходов оказалась сильнее.

Значительное место среди медиакритических публикаций яковлевской редакции уделялось вопросам бурно развивавшегося телевидения. Здесь лидером был Сергей Муратов, опубликовавший в 1967 г. шесть статей о проблемах экранной публицистики. Среди других медиакритиков, формирующих яркое полемическое поле критического медиадискурса, – Евгений Каменецкий (районная печать), Борис Фирсов (социология журналистики), Абрам Старков (кризисные жанровые явления), Александр Борин, Ефим Лазебник.

Ключевой проблемой существования профессиональной медиакритики на страницах «Журналиста» (как и во всей центральной прессе) является ее регламентирующий статус: любой советский человек знал, какими катастрофическими последствиями оборачивается критика в центральной печати (а «Журналист» был центральным журналистским изданием, способным пользоваться этим молниеносно карающим оружием). Суровость идеологии входила в конфликт с нарождавшимися принципами корпоративной культуры и журналистской солидарности. Проблема возникала даже на уровне выработки медиакритического языка, способного миновать формулы устойчивой оценочности советских СМИ.

Так, Абрам Старков в материале «Мысли не по существу» на примере публикаций в газетах «Советская Татария» и «Советская Молдавия» анализирует кризисные явления в газетном очерке – центральном жанре, который по его роли в архитектонике печатных СМИ Старков сравнивает с несущей стеной здания. Понимая, что критика может иметь самые негативные последствия для авторов статей, Старков анализирует текст со множеством оговорок в сказовой форме, делающей весь разбор более живым, но для официальной прессы непривлекательным в силу отсутствия жестких критических формулировок: «А очерк в газете есть! И довольно качественный. (До чего же прилипчиво это бессмысленное словцо! Знаю ведь, что качество бывает всяким – хорошим, плохим, – и все-таки пишу как и многие теперь пишут: качественный в смысле неплохо.) Очерк, говорю, достиг в “Советской Татарии” определенного уровня, ровно идет, без особых падений, но и без особых взлетов...»¹⁸. При этом из целой группы авторов он упоминает только одну фамилию – чтобы утверждение не выглядело голословным. Впрочем, это не мешает Старкову жестко оценить нивелирующую роль штампов в объемном тексте очерка и убийственную дежурную интонацию, обязательную для бесценных тем советской публицистики. В материале проступают черты конфликта между журналистами старой, командно-административной, и новой, более инициативной формации. Открытый пафос статьи – журналист должен иметь перед редакцией право на отказ от очерка как текста с высокой степенью художественной составляющей в том случае, если автор не ощущает душевного рас-

положения написать на предложенную тему:

«Вспоминаю, как на собрании московских очеркистов мы говорили о работе нашего товарища, человека способного и опытного. Говорили, что в нем мирно сосуществуют как бы два очеркиста: один пишет хорошо, другой – плохо; один – ярко, другой – скучно. И у них четко распределены между собой функции: первый сам себе находит темы по душе, второй выполняет редакционные задания на обязательную тему. <...>

Старые газетные зубры, которых ничем не проймешь, сочтут, усмехаясь, что я ломлюсь в открытые ворота, а вернее, колочусь лбом о кирпичную кладку.

Обязательное всегда было для газеты и всегда будет! Пусть так, но тысячу тысяч раз готов повторить, что на любую тему и особенно на обязательную надо писать хорошо, а если не можешь, не получается – откажись. Да, откажись! ... И тут же зубры, не усмехаясь, призовут меня к порядку. Они напомнят о редакционных планах, которые надо выполнять, о дисциплине, которой должен подчиняться очеркист, и в первую очередь очеркист штатный. В противном разе – за штат! Но я никакого бунта против установленных порядков – упаси меня боже – не поднимаю. Я хочу остаться в штате своей редакции! И в то же время не хочу писать о том, что мне не по сердцу. И надеюсь, что не вступлю в этом смысле в конфликт с редакцией, если она, конечно, желает, чтобы я писал “качественно”. ... Скидка на обязательное, которую мы молчаливо позволяем себе, оборачивается, как правило, профанацией темы. Это тот бумеранг, который бьет и по автору, и по редакции, а более всего по человеку неповинному, по тому, о ком вы пишете»¹⁹.

Выработка профессионального языка критики и критериев оценки журналистских явлений – именно то, что последовательно демонстрируют материалы редакции журнала. Поиск разговора с журналистами разных поколений и разного негативного (а порой и драматичного) опыта во многом объясняет аргументированный и последовательный критический пафос многочисленных материалов «Журналиста», разносторонне оценивающих актуальную практику западной журналистики. Эта подтекстовая тема несовместимости корпоративной позиции и конструктивной профессиональной критики в советской социальной практике соотносится аналитиком «Журналиста» с проблемой документальности в публицистике. Тот же Старков предпочитает приводить негативные примеры из собственной биографии – когда сам очеркист, «увлекшись поиском глубины характера», привел некоторые детали из личной жизни героя, что повлекло «гневный протест этого человека», или когда придумал историю, которая могла бы произойти с героем, а в результате «угадал, вернее угодил» в следующих встречах. Есть предел документальности и есть предел художественному моделированию в

публицистике, границы которых нащупать трудно, но необходимо каждому журналисту.

Редакция «Журналиста» конца 1960-х одной из первых начинает понимать колоссальное значение социологических исследований в процессе формирования контента телеэфира.

Значительное внимание Егор Яковлев уделял новым для советской медиакритики формам исследования социологии журналистики – в газете, на телевидении и радио, а также элементам интерактива в диалоге с профессиональным читателем (постоянное обращение к массовым читательским опросам, предложения в адрес аудитории самой выбрать оригинальную рубрику для новых номеров журнала и т. п.). Изучение структуры аудитории и ее сегментирования становится прорывом в попытке скорректировать характер социальной коммуникации советских журналистов и отражает стремление журнала к борьбе с уравниловкой в публицистике и общественном сознании в целом.

Показателен в этом плане заголовок статьи Бориса Фирсова с развернутым социологическим анализом советской телеаудитории – «“Среднего зрителя” нет»²⁰. В ней на материале опроса двух тысяч человек в Ленинграде определялась возрастающая роль телевидения в жизни общества. В результате выяснилось, что 39,2% опрошенных разочарованы появлением телевизора в доме (для 38,7% его появление оправдало ожидания). Большинство зрителей жалуются на недостаток развлекательного вещания и его качество. Наиболее привлекательные передачи в 1967 г. – спортивные трансляции (84,0%), КВН и другие конкурсы (81,2%), концерты эстрады (70,9%), художественные фильмы (66,5%). Самые нелюбимые формы вещания того времени – новости (27,0%), серьезная музыка и оперы (25,0%), общественно-политические программы (8,6%). Проигнорированными в эфире остались образовательные программы (61,0%) и телерепортажи с мест событий (32,6%). Наивысшей популярностью пользовались фильмы, а из телепродукции – только КВН, «На голубой огонек» и эстрадные обозрения. Чуть меньшая, но устойчивая популярность – у театральных артистов на ТВ. На 29-й позиции из 31 оказались программы цикла «Страницы поэзии», на 31-м месте – образовательные программы.

Историку журналистики этот один из самых первых контент-анализов отечественного телевидения демонстрирует пристрастия групп аудитории, которые окажутся актуальными и в распределении предпочтений аудитории по каналам в XXI в.: программы об истории государства, классической музыке и образовательные программы смотрят люди старше 50 лет, телеспектакли – дети и пенсионеры, а «КВН и другие программы-конкурсы наиболее популярны среди зрителей с образованием 7–9 классов и средним»²¹. Простейший анализ сетки эфира демонстрирует монотематизм больших блоков, который мешает легко восприни-

мать серьезную информацию в сочетании идейных программ с развлекательными. Для журналистской культуры конца 1960-х опыт социологии СМИ – попытка конструктивной обезличенной критики, способной не разрушать конкретные журналистские биографии, а трансформировать и реформировать профессиональные отрасли.

Серьезному критическому разбору в рубрике «Заочная летучка» подверглась редакционная политика газеты «Советский спорт». Открылась дискуссия публикацией М. Карповича «Позвольте быть пристрастным»²², подхваченная статьей «Спорт и “Советский спорт”» в «Комсомольской правде». Вслед за ней «Журналист» представил подборку откликов читателей на публикации в газете (все четыре отзыва очень изящно оформлены разными типами и форматами шрифтов) («Журналист», № 12): «Хороших, запоминающихся выступлений на важнейшие темы нашего спортивного сегодня ничтожно мало»²³, – сетует М. Александров, отмечая также жанровую скудость полос «Советского спорта», игнорирующей формы художественной публицистики. Реплику машиниста крана Л. Жигарева об увлеченности прославлением спортивных звезд – вернувшегося в спорт Эдуарда Стрельцова – дополняет фраза мастера спорта о слабом знании спортивной терминологии и неумении донести до читателей-профессионалов результаты достижений выдающихся спортсменов в репортажах с крупных состязаний. Отсутствие оперативности или интереса к судьбам футбольных команд из союзных республик – серьезный укор редакции центральной газеты, невольно аккумулирующей центробежные настроения в советском обществе.

Приверженность гегелевскому закону «отрицания отрицания» отражалась и на формах интерактивного взаимодействия с читателем. Главный орган отечественной медиакритики сам стремился быть предметом критики и рефлексии. В течение 1967 г. журнал провел три тура обсуждения программы «Журналиста» на 1968 г. в рубрике «Модель-68», получив 816 писем, содержащих «советы, предложения, критические замечания». В результате интерактивной критике удалось оценить наиболее успешные рубрики и наметить перспективные темы на будущее, а также выделить самых популярных авторов журнала.

Журнал обнажает ситуацию противостояния между столичными и провинциальными журналистами, призывая более успешных коллег по цеху избегать заносчивости. Евгений Каменецкий в статье «Товарищу районщику» из обширного материала встреч и отзывов руководителей районных газет приводит в пример заботливого газетчика «Двинская правда» А. Афанасьева, который увидел странный упрек в статье знаменитого журналиста Анатолия Аграновского (тоже одного из авторов «Журналиста») о репортаже, который делала группа журналистов из семьи сельчан-родителей знаменитого космонавта. Столичные журналисты несколько

суток ждали, пока корабль с героем выйдет в космос, и сразу взяли интервью у его родителей, а сотрудник районной газеты появился в последний момент и «еле успел, как пишет автор, взять интервью у отца героя, хотя райгазета, мол, ближе всех к селению»²⁴. Просто райгазета не могла себе позволить роскоши командировать сотрудника на несколько суток ради одного интервью.

После событий Пражской весны, в сочувствии к которым был заподозрен Егор Яковлев, журнал лишился своего главного редактора. Это было не удивительно, поскольку редакция, в частности, публиковала материалы, посвященные экспериментальному опыту внедрения новых форм экономического стимулирования работников социальной сферы в Чехословакии²⁵.

После ухода Яковлева с поста руководителя журнала редакционная направленность «Журналиста», как и всей идеологической линии в СССР, кардинально развернулась в сторону охранительных тенденций и прекращения живой полемики о перспективах развития общества. Это отразилось и на судьбе «Журналиста» в 1970-е – начале 1980-х гг. Критический пафос материалов на профессиональную тему свелся к общей риторике публичного обсуждения дурных сторон советской жизни: к исправлению отдельных недочетов, «брака на производстве» и шаблонного отношения к делу, проблем стилистической небрежности, наличия заголовочных и повествовательных штампов (например, обилия риторических вопросов); к упрекам в обезличенности героев репортажей или незнании нюансов деятельности отраслей советского народного хозяйства.

«Журналист» в дальнейшем будет пытаться сохранять положение центральной медиакритического рупора отечественной публицистики, однако тематический диапазон, формы отбора материала и методы анализа в нем значительно сузятся, а вслед за этим будет утрачена возможность существенно влиять на мнение огромной профессиональной аудитории и на общественное мнение.

Примечания

- ¹ *Прозоров В.* Журналистское образование и филология : продолжение союза или намечающийся развод? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 94.
- ² См.: *Журналист.* 1967. № 11. С. 80.
- ³ Об этом феномене см.: *Михайлин В.* Апогей и крах оттепельного мобилизационного проекта в «Заставе Ильича» М. Хуциева и «Трех днях Виктора Чернышева» М. Осепьяна // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории : материалы VIII Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.). М., 2016. С. 524–537.
- ⁴ См.: *Киришин Б.* История советской журналистики : Новые подходы к изучению // Знак : Проблемное поле медиаобразования. 2012. № 1 (9). С. 86–87.

- ⁵ Сапак В. Телевидение и мы : четыре беседы. М., 1988. С. 21.
- ⁶ См.: Кузнецов И. История отечественной журналистики (1917–2000). М., 2002. С. 442.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Яковлев Е. Сословие людей государственных // Журналист. 1967. № 1. С. 2–3.
- ⁹ Там же. С. 2.
- ¹⁰ Там же. С. 3.
- ¹¹ Ленин В. О революционной фразе // Ленин В. ПСС. 5-е изд. Т. 35. М., 1974. С. 343.
- ¹² Федоров А., Новикова А. Медиаобразование в ведущих странах Запада. Таганрог, 2005. С. 50.
- ¹³ См.: Московский В. «Непсабадшаг» : честность творчества // Журналист. 1967. № 10. С. 56–57 ; Вахтин Б. Несколько дней в Китае // Журналист. 1967. № 1. С. 66–69.
- ¹⁴ См.: Федоров М., Кан Р. О газете «Нью-Йорк таймс» // Журналист. 1967. № 12. С. 38–41.
- ¹⁵ См.: Верже П., Засурский Я. О журнале «Плейбой» // Журналист. 1967. № 4. С. 59–61.
- ¹⁶ См.: Егоров А. На экране и в жизни // Журналист. 1967. № 9. С. 54–56.
- ¹⁷ См.: Зорин А. «Журналист» между двух миров. Фильм Сергея Герасимова и новый журнал профессионального сообщества конца 1960-х // Медиакультурное пространство риска : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию гуманитарного образования в СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2017. С. 243–245.
- ¹⁸ Старков А. Мысли не по существу // Журналист. 1967. № 10. С. 16–17.
- ¹⁹ Там же. С. 18–19.
- ²⁰ См.: Фирсов Б. «Среднего зрителя» нет // Журналист. 1967. № 2. С. 42.
- ²¹ Там же. С. 45.
- ²² См.: Карнович М. Позвольте быть пристрастным // Журналист. 1967. № 9. С. 48–49.
- ²³ Заочная летучка // Журналист. 1967. № 12. С. 58.
- ²⁴ Каменецкий Е. Товарищу районщику // Журналист. 1967. № 12. С. 25.
- ²⁵ См.: Борин А. Да здравствует привереда! // Журналист. 1967. № 4. С. 54–58.

Образец для цитирования:

Зорин А. Н. «Отрицание отрицания» в медиакритике журнала «Журналист» последних лет советской «оттепели» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 475–481. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-475-481>

Cite this article as:

Zorin A. N. 'Negation of the Negation' in the Media-criticism of the Magazine *Journalist* of the Last Years of the Soviet 'Thaw'. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 475–481 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-475-481>